

Мой учитель Лис

Автор:

Андрей Белянин

Мой учитель Лис

Андрей Олегович Белянин

Мой учитель Лис #1

В 1812 году над землёй пролетала комета. Кто знает почему, но после этого на планете стали рождаться разумные звери. И вот в Лондоне конца девятнадцатого века мальчик встречает Лиса. Благородный джентльмен с рыжим хвостом, французского происхождения, отлично владеет кулаками и шпагой, являясь внештатным консультантом Скотленд-Ярда. Кто же он, месье Ренар? Сыщик, зверь, скучающий аристократ? Каков его дедуктивный метод? И самое главное, почему именно он встал на пути всей преступности Лондона? Спросим у его ученика...

Глава 1

Звезда маньяка

Мой учитель Лис. Обычный или необычный, это уж кому как удобней называть.

В наш просвещённый девятнадцатый век отношение к разумным животным изменилось почти во всём мире. Хотя лично я, наверное, вправе более-менее уверенно говорить лишь о Великобритании или, что ещё вернее, о её столице Лондоне. Просто потому что я здесь живу, а что и как происходит в остальных частях земного шара, мне известно, как и всем, из радио, газет и книг.

Тем более что взгляд назад с высоты прожитых лет всегда изменяется призмой возраста, и уж наверняка сейчас моё восприятие тех событий представляется мне несколько иным, быть может, в чём-то наивным и романтичным. Но, признайтесь в глубине души, кто же из нас не был романтиком в четырнадцать лет?

Тем не менее я попробую вспомнить о своём рыжем учителе всё и постараюсь быть максимально беспристрастным как к нему, так и к себе, а уж что толковое получится из этой затеи, судить не мне. Считается, что все мы, британцы, по сути своей прирождённые рассказчики, так почему бы и мне не взять в руки электрическое перо и не рассказать вам свою историю? Итак...

Наука утверждает, что полулюди-полужвери стали появляться на земле после свечения в небесах кометы 1812 года и губительных для всей Европы Наполеоновских войн. Просто так, без всякой видимой причины, в разных концах мира вдруг стали рождаться человекоподобные животные. Они были заметно крупнее своих собратьев, развитые, прямоходящие, прекрасно овладевающие техникой и языками, с абсолютно человеческим умом и интеллектом.

Первое время люди их просто отстреливали, но они смогли соорганизоваться и с оружием в руках (лапах, когтях, копытах) отстоять своё право на самоопределение. Лично я горжусь тем, что прогрессивная Великобритания первой из цивилизованных стран признала их как равноправных граждан. Постепенно примеру Лондона последовали и другие столицы мира.

Спустя каких-то пятнадцать – двадцать лет «близкие к природе», как их было принято называть, уже создавали свои партии, заседали в парламенте и ежедневно доказывали своё право считаться полноценными членами нашего общества. Они даже продвигали и принимали законы!

Уже в годы моего детства никого не удивляли благородные леди из Суссекса, сопровождаемые на выезде неулыбчивым мажордомом-волком, одновременно и охранником и грузчиком. Малыши гуляли в английских скверах, опекаемые заботливыми няньками-овцами, а вальяжные кошки и коты получали дипломы домашних врачей. Церковь приняла решение о духовном окормлении новых чад, они участвовали в таинствах, и более того, «близкие к природе» спокойно заключали браки с людьми. Пусть бесплодные, но, в конце концов, женятся не только для продолжения рода.

Англия вновь оказалась впереди всех, призывая весь мир согласиться, что некоторые явления природы и божьего промысла разумнее принять и ассимилировать, чем тратить ресурсы в бесполезной борьбе с неизбежным.

В те годы расцвета толерантности и взаимопонимания я как раз жил в Лондоне, на неблагополучной окраине района Челси, в старенькой двухкомнатной квартирке, некогда принадлежавшей моим покойным родителям. Помнится, мне было неполных четырнадцать и я ходил в ближайшую школу для мальчиков, где меня регулярно поколачивали.

Причины этому всегда находились.

Во-первых, я хорошо учился. Мне нравился сам процесс впитывания новых знаний, особенно легко давались физика и химия, что по идее означало неплохие перспективы в будущем. Однако отличников нигде не любят.

Во-вторых, я был сирота. Мои родители умерли, едва мне исполнилось шесть лет, и все последующие годы я жил под опекой моей троюродной бабки из-под Ливерпуля, толстой, неопрятной, курящей боцманскую трубку и пьющей виски особы. То есть, если вы правильно поняли, заступаться за меня было абсолютно некому.

И, в-третьих, я был, как это сейчас принято говорить, красавчик. Среднего роста, худой, с золотистыми кудрями до плеч, римским профилем и большими карими глазами с длинными ресницами. Все девочки на улице, а порой даже респектабельные дамы оборачивались мне вслед. Но к чему это приводило в школе для мальчиков? Насмешки, презрительные плевки, дерганье за волосы, ну и драки...

Я до сих пор с содроганием вспоминаю тот промозглый сентябрьский вечер в начале месяца, когда банда Большого Вилли подловила меня за квартал до нашего дома.

– Бу! Стоять, недоносок!

Я замер. Не то чтобы мне не приходилось драться или я злонамеренно пропускал уроки физкультуры. О нет! Я очень старался, бегал и подтягивался больше всех, но что это значит, когда напротив тебя трое и сзади двое, а самому главному,

Большому Вилли, уже почти семнадцать лет и его уже не раз задерживала полиция за всякие мелкие гнусности.

– И чё у нас собой есть, сосунок?

– Вилли, ты же знаешь, у меня нет ни денег, ни еды.

– Молчать, недоносок!

– Я не...

– Тебе было сказано молчать! – Он ударил меня по левой щеке наотмашь так быстро, что я не успел пригнуться. – Нет денег, так иди и попроси у своей пьяной бабули. А если она не даст, так мы будем лупить тебя каждый божий де...

Он заговорился, и это был мой единственный шанс. Я сунул руку в карман, нажал кнопку зарядного устройства и делано обернулся назад, одновременно выбрасывая правую ногу вперёд. Квадратный носок моего старого ботинка попал куда надо, на миг сверкнула голубая искра, и Большой Вилли обмяк там, где стоял. У меня получилось, всё работает!

Я рванулся бежать, но кто-то подставил мне подножку, и в себя я пришёл уже на бульжной мостовой.

– Бей сосунка-предателя! – прохрипел вожак банды, держась за причинное место.

Их было больше, пятеро на одного, и меня били долго, как мне казалось, целую вечность. Пока откуда-то свыше не раздался странный голос, неуловимо схожий с собачьим тявканьем и кошачьим мурлыканьем. На секунду мне удалось разогнуться и глотнуть воздух.

– Не могли бы юные джентльмены объяснить случайному прохожему причину сего недостойного избиения столь многими одного-единственного?

На миг наступила тяжело дышащая тишина.

– Шёл бы ты своей дорогой, псина...

– К вашему сведению, молодой человек, я – лис. Мистер Лис для вас и ваших уважаемых друзей.

– Тогда беги к себе в норку, лисичка, пока я не свистнул свою собаку! – по-идиотски расхохотался Большой Вилли. Его банда поддержала своего вожака подобострастным хрюканьем, но, видимо, зря...

– Меня ещё никто не называл лисичкой, молодой человек.

Краем глаза я увидел довольно высокого, под шесть футов, рыжего лиса, в модном цилиндре, хорошем костюме, кожаном плаще, с тяжёлой тростью в лапах.

Именно из этой трости вдруг выпрыгнуло гранёное лезвие, коснувшись заточенным кончиком выпирающего кадыка Большого Вилли. Тот лишь нервно сглотнул, не решаясь произнести ни слова...

– Поэтому я настоятельно рекомендую вам извиниться и, как говорится, свалить в густой туман у Темзы, не дожидаясь худшего.

– Чего именно? – храбро пискнул кто-то.

– Ареста и отправки на каторгу в колонии. Я консультант Скотленд-Ярда, так понятнее?

Наверное, не прошло и пары секунд, как всех словно восточным ветром сдуло. Я поднял взгляд и принял протянутую мне лисью лапу.

– Ну что ж, вы легко отделались, юноша, – кивнул мне мой спаситель. Судя по тому, что я увидел своё отражение в его туфлях, он только что ходил в Букингемский дворец на аудиенцию к королеве. – Отлично, вставайте же!

– Э-э...

– Можете звать меня запросто: мистер Лис.

– Лис? И всё, этого достаточно?

– Для шести поколений моих предков, быть может, и нет, но для меня вполне. Я, знаете ли, не слишком чопорен и не привык гордиться заслугами родителей.

– Но вы работаете на Скотленд-Ярд?!

– О, да у вас отличный слух, – улыбнулся он, силой помогая мне подняться. – Что ж, порой я действительно оказываю ряд услуг как государству, так и нуждающимся гражданам в частном порядке. А чем занимаетесь вы?

– Учусь в школе.

– Весьма похвально. Однако тот удар носком ботинка, коим вы наградили пошарам этого громилу, был не так прост, верно?

Чёрт, чёрт, чёрт, пресвятой электрод Аквинский...

Я был совершенно уверен, что этого никто не заметит и меня не поймут, потому что несанкционированное использование пара или электричества против человека категорически запрещено ООН – Организацией Объединённых Народов и Наций. То есть это вполне реальная уголовщина, срок и валка леса в русской Сибири. Британия первой поняла удобство сотрудничества двух стран в этом плане.

Мне казалось, что это только моё тайное оружие, больше о нём не знает никто и, по сути, попади я Большому Вилли вскользь... ну куда угодно, хоть в колено, то всё равно разряд электрического тока довершил бы остальное. По идее так оно и вышло, просто я не учёл мощность разряда. Слабенько получилось, придётся доработать в следующий раз...

– Сэр, я должен был бы в первую очередь поблагодарить вас за заступничество.

– Благодарите, – вежливо откликнулся Лис.

– Благодарю, сэр, – столь же церемонно поклонился я, отряхиваясь, насколько это было возможно. – А теперь прошу простить за спешку, однако моя милая бабушка будет беспокоиться, если я не приду до установленного часа.

– Бабушка-а... как интересно, – задумчиво протянул он, круглыми янтарными глазами буквально обшаривая меня с ног до головы. – Похоже, она курит морской табак, пьёт виски и совершенно не занимается вашим воспитанием.

– Но... как вы догадались?

– Элементарно. От вашей одежды, в частности обшлага правого рукава, так и разит табачищем, вы набиваете трубку? Заморский сорт, «Браун Вирджиния», как я понимаю. Но ваши розовые щёки и чистое дыхание утверждают, что сами вы табак не употребляете. Значит, кто-то из ваших близких. Но вы сказали, что живёте с бабушкой.

– А про воспитание?

– Ха, у вас классическая речь, молодой человек! Вряд ли пожилая родственница с трубкой и стаканом заставляет вас читать книги.

– Но это же так просто...

– Всё кажется простым, когда тебе это растолкуют. К примеру, о том, что ваша бабуля ещё и пьёт, я не знал. Но предположил! А уж вы же сами признали мою правоту.

– Вы необыкновенный зверь.

– В приличном обществе принято говорить «близкий к природе», – без обиды в голосе напомнил он.

– Да, сэр. Прошу прощения, сэр. Этого больше не повторится, сэр.

– Очень надеюсь, юноша, – весьма серьёзно ответил Лис, оглядываясь по сторонам, и вдруг решился: – А что ж, впрочем, не проводить ли мне вас? Сегодня выдалась чудесная погода, вы ведь не против пройтись в компании

необыкновенного зверя?

Как раз погода была крайне скверная: ветер в лицо и мелкая морось. Я понял, что этот тип от меня не отвяжется, и почему-то с облегчением вздохнул. До того у меня никогда не было знакомых из «близких к природе», в школе преподавали люди, а в нашем районе из так называемых мутантов появлялись разве что вездесущие еноты да кебмены-кони.

Разумеется, они не впрягались в повозки, кебы давно паровые машины, а жеребцы заняли места возниц и довольно сурово берегли свой статус. Их братство росло, попасть на работу извозчиком можно было только с рекомендацией конского профсоюза, а конкуренты рисковали получить копытом по голове. С пьяницами и неплательщиками они ни минуты не церемонились, но любой честный гражданин мог быть уверен – конь доставит его в нужное место чётко и вовремя, а в случае надобности всегда грудью встанет на защиту клиента от уличных попрошаек и хулиганов.

– Если бы ещё слегка модернизировать... Каучук, верно?

Голос Лиса застал меня врасплох. Я вытаращился на него, раскрыв рот. Как он... я же не... как он узнал?!

– Мальчик мой, вы сейчас похожи на лягушку на лабораторном столе студента-медика, – едва сдерживая хохот, фыркнул Лис. – Думаете, я читаю мысли? О нет, всё куда проще и смешнее, они же так явно написаны у вас на лице и отнюдь не китайскими иероглифами.

– Я не говорил вам про каучук!

– Вы добрую минуту пялились вон на тот кеб. А когда он тронулся и колёса загрохотали по мостовой, вы невольно сощурились, словно этот звук режет вам уши. Ну а учитывая вашу тайную склонность к изобретательству, я логично предположил, что вы уже обдумываете решение. Что может быть проще, чем каучуковые полоски, набитые на колесо?

– Только не полоски, а полукруглые шипы, – автоматически поправил я. – Это уменьшает стирание резины, а кебы смогут двигаться почти бесшумно. Но откуда вы узнали про изобретения?

– Вы опять скажете, что это слишком просто. Нет уж, теперь моя очередь спрашивать. Могу я полюбопытствовать, кто ваши родители?

Я опустил голову, закусив нижнюю губу.

– Но если вы сочтёте мой вопрос бесцеремонным, то...

Мне захотелось пожать плечами, что выглядело бы как ответ.

Конечно, этот Лис был очень странным зверем, но до него никто вообще не интересовался моей жизнью. Лондонцы в принципе не любят говорить о себе и расспрашивать о личном других, это считается дурным тоном. Да и как можно выкладывать о себе подноготную, по сути, незнакомцу?

Однако за те десять – пятнадцать минут, пока мы шли до моего дома, я рассказал ему всё.

Мой отец получил место учителя геометрии в сельской школе, где взял в жёны мою мать, богобоязненную женщину из обедневшей помещичьей семьи. Сводя концы с концами, они решились на переезд в большой город. Её приданого как раз хватило, чтобы купить маленькую квартирку в относительно приемлемом районе.

Я – их единственный и поздний ребёнок. Роды дались маме тяжело, она болела, лондонский смог не шёл ей на пользу. Когда её не стало, мой бедный отец перевёз к нам бабушку, чтобы та следила за мной, а меньше чем через год ушёл вслед за мамой.

– Болезнь?

– Нет, сэр, его убили на улице. В полиции сказали, что это было ограбление, и если бы он не сопротивлялся...

Лис ничего не ответил, но в его янтарных глазах на миг блеснул зелёный огонёк.

– Больше мне нечего вам рассказать. Я живу с бабушкой, хожу в школу, стараюсь хорошо учиться. Спасибо, что проводили, сэр.

Он улыбнулся, не показывая зубов, и похлопал меня по плечу. Я поблагодарил его ещё раз, а когда шагнул к порогу, взялся за ручку нашей двери и обернулся, рыжего спасителя уже не было. Казалось, он просто растворился в приближающихся сумерках.

– Ну что ж, как говорит наш учитель словесности, «все сказки когда-либо заканчиваются, и потому Кристофер Марло будет вечно мёртв, а Шекспир – жив!». Знать бы, что он при этом имел в виду, – неизвестно кому пробормотал я.

На мгновение затылок кольнула шальная мысль: вот мистер Лис знал бы! Что ж, возможно, он действительно умнейший среди «близких к природе», но, как ни верти, всё равно остаётся таким же зверем, как и все. Не человеком.

– Заявился наконец, мелкий поганец? – мрачно приветствовала меня бабушка, могучая краснолицая женщина преклонных лет, пахнувшая невероятной смесью табака, виски, опиума для сна и мятных пастилок от кашля.

Она одевалась в коричневые шерстяные платья покроя прошлого столетия, носила тяжёлые башмаки, шиньон и капор, а выражалась на уровне грубой портовой матросни времён ещё Фрэнсиса Дрейка.

– Простите, я задержался.

– Простите, я задержался... тьфу! Что ты за дохлая мямля, Эдмунд?! Если бы каким-то чудом ты попал на флот Её Величества, боцман каждый день драл бы тебя линьком!

– Да, мэм. Вы правы, мэм, – привычно кивнул я. Бабуля почему-то требовала, чтоб я обращался к ней на американский манер. – Надеюсь, я не попаду на флот, мэм.

– Откуда у тебя синяки на лице? Ты опять подрался, негодный мальчишка?

– Нет, мэм. На меня напали ребята Большого Вилли.

– Ха! – Бабушка грозно упёрла окорокоподобные руки в бока и зажмурила один глаз, как попугай Джона Сильвера. – Надеюсь, ты устроил им хорошую взбучку?

Я промолчал. Рассказывать о том, как на самом деле всё было, вряд ли имело смысл.

– Дьявол и присные, ты опять струсил, Эдмунд Алистер Кроули?!

– Я не Кроули, это фамилия моей матери.

– Подерзи мне тут, паршивец! Твой отец был такой же жалкий трус, учительшка никому не нужной геометрии, искалечивший всю жизнь моей племянницы. Марш к себе в комнату и помни, что на сегодня ты лишился ужина!

– Можно подумать, у нас когда-нибудь был приготовлен ужин, – упёрто пробормотал я, поскольку люто ненавидел, когда кто-то говорил что-либо плохое о моём отце. Я любил его, и мама его любила.

И без того красное лицо бабушки стало наливаться пунцовой краской, она уже шарила у порога в поисках кочерги, палки, метлы или ещё чего-нибудь равноценно тяжёлого, чтобы швырнуть в меня, когда к нам вдруг постучали.

– Какого хромого дьявола? – удивилась она, собственноручно распахивая двери.

На пороге стоял мой недавний знакомец, мистер Лис собственной персоной.

– Чего тебе надо, грязное животное? – рявкнула моя бабуля, отродясь не имевшая никаких понятий о культурном воспитании.

– Клянусь шерстью австралийских бесов, да вы шутите, матушка, – нарочито громко расхохотался Лис, вытаскивая из-за пазухи бутылку дешёвого виски. – Сдаётся мне, вы привыкли лепить правду в глаза, не то что эти современные курицы в кринолинах и страусовых перьях, что прогуливаются с сопливыми детишками вдоль Темзы. В Лондоне давно забыли, что такое настоящая женщина, верно?

– Заходи, красавчик. – Мгновенно сменив тон, бабушка кокетливо поправила накладку фальшивых волос на макушке. – Вижу, у тебя есть дело?

– То самое, о котором нельзя говорить на сухую. Так не пропустить ли нам по стаканчику доброго пойла для гладкости речи?

– Ты говоришь, словно читаешь Библию, – важно согласилась бабуля, проводя гостя в нашу загаженную квартиру.

Я вытянул шею, но Лис даже не посмотрел в мою сторону.

На мгновение мне показалось это обидным, но потом любопытство пересилило все остальные чувства. Мне было жутко интересно, что привело его сюда и какие цели преследует этот странный зверь? Ради чего он здесь, что ему от нас надо, мы же бедны как церковные мыши.

Меж тем бабуля широким жестом смела на пол грязные тарелки и крошки со стола, потом достала два стакана, дохнула в них, вытерла изнутри краем подола и гордо поставила перед гостем.

Лично я под угрозой привязывания к жерлу пушки, подобно тому как привязывали вождей восстания сипаев, не стал бы из них пить, но наш гость легко свинтил пробку и быстро разлил на двоих.

– Правь, Британия, – предложил Лис.

– И да сгинут враги её, – поддержала бабушка, залпом опрокидывая свой виски.

К моему немалому изумлению, Лис чрезвычайно ловко и даже элегантно вылил содержимое своего стакана себе за ухо. На его безупречном воротничке сзади появилось мокрое пятно, но он даже не поморщился.

– Говори, рыжий, зачем припёрся? – начала моя бабушка, громко икнув и постучав себя кулаком в грудь.

– Позвольте представиться, меня зовут...

– К дьяволу твоё имя. – Она значимо пододвинула стакан.

– Уважаю деловой подход, – согласился Лис, безропотно берясь за бутылку. – Я хочу взять на работу вашего мальчишку. У него длинные ноги и крепкая спина, он умеет читать и писать, а мне нужен помощник в контору.

Я почувствовал, как сжимается сердце и холодный пот бежит меж лопаток.

Он пришёл сюда ради меня? Он хочет дать мне возможность самому зарабатывать на жизнь? Возможность вырваться из глупой школы, уйти от тупых одноклассников, забыть о насмешках и побоях, увидеть другую жизнь...

«Да, да, да, я согласен! Я буду вашим лучшим помощником, мистер Лис, только заберите меня отсюда!» – хотелось закричать мне, но огромным усилием воли я как-то сумел сдержаться.

В конце концов, никто не собирался спрашивать моего мнения, уж бабушка точно. Она торговалась за меня так, словно я был не живым человеком, а свежей бараньей тушей на прилавке мясника...

– Что ж, мистер рыжая морда, пить ты умеешь, но имей в виду: мальчишка обойдётся тебе недёшево!

– Ой, да бросьте, он же худой как щепка, которой ирландцы раскуривают трубку!

– Не забывай, что он ходит в эту... как её... проклятую... в школу!

– Чушь!

– В смысле?

– Наливаю... Я говорю, что все эти новомодные школы чушь и бесполезная трата времени. Согласитесь, что лучшая школа – это настоящая жизнь.

– Звучит как тост...

- Понял, повторяю. Так сколько вы хотите за этого задохлика и неумеху?

- Полфунта в неделю! - хлопнула рукой о стол моя бабушка.

Стаканы подпрыгнули, и, не подхвати Лис бутылку, она бы, наверное, попыталась и вовсе закрыть глаза, бросившись на пол, а там будь что будет.

- Одна крона в две недели, и он будет возвращаться к вам по воскресеньям весь в синяках, но с бутылкой виски!

- Ты умеешь уговорить привлекательную женщину, чёрт красноречивый, - подумав, кивнула уже изрядно принявшая на грудь бабуля. - Забирай хоть сейчас, если табачок есть.

- Вы стрижете меня, словно шотландец последнюю овцу, - самодовольно хмыкнул Лис, тут же доставая из кармана плаща пачку крепчайшего табака из наших заокеанских колоний. После чего впервые обернулся ко мне и подмигнул:

- Собирайся, мальчишка, работа ждать не будет, а станешь лениться, я надаю тебе тумаков.

- Слушаюсь, сэр. - Едва не крича от счастья, я бросился в свою комнату.

На сборы ушло меньше пяти минут, у меня было мало вещей. Главное - книги и тетради с записями, а вся моя одежда легко уместилась в один заплечный мешок. Напоследок, обведя прощальным взглядом свою старую комнату, где прошло всё моё детство, я резко дёрнулся, цапнув маленького мишку Тедди, что подарил мне отец. Потом аккуратно вынул из рамки и сунул за пазуху коричневое фото моих родителей.

Всё. Больше меня здесь ничего не держит. Я захлопнул дверь и едва ли не кубарем выкатился из комнаты.

- Две минуты сорок шесть секунд. - Рыжий гость щёлкнул крышкой серебряного хронометра. - В следующий раз постарайся двигаться пошустрее!

– И сл... л... слуший эвав-ва господина, – икая, пригрозила мне пальцем бабушка. – Пошёл вон во взр... зрсл... ик?! Чё-та длинное слово... дмунд Кроули, марш на работу! Пора-а... Ох, там ещё чёй-то осталось?

– Вам хватит. – Мистер Лис вылил в её стакан остатки виски. – Идём со мной, мальчик, и, клянусь всеми опиумными божествами Китая, я сделаю из тебя человека!

Бабуля подняла стакан, принялась, выпила и откинулась в кресле.

– Боюсь, завтра у неё будет презрительно трещать голова, – фыркнул в усы мой первый работодатель. – Впрочем, ни тебя, ни уж тем более меня это волновать не должно. Нас ждут иные дела. Ты готов, мой мальчик?

– К вашим услугам, сэра Лис, – поклонился я.

– Что ж, неплохо, очень неплохо, – улыбнулся он. – Нам понадобится кеб, мы едем в моё скромное жилище на углу Тули-стрит, рядом с Тауэрским мостом.

– Это же богатый район.

– Неужели? Никогда не задумывался. Мои родичи живут там уже три или четыре поколения, а может, и больше. Говорят, что в скверике у моста до сих пор встречаются дикие лисы. Но поспешим же, на вечер у меня много дел.

Мгновением позже мы уже стояли на углу под уличным фонарём, а невдалеке громыхал колёсами паровой кеб. Я было поднял руку, но Лис слегка ударил меня тростью по запястью.

– Во-первых, если ты согласился работать на меня, то будь добр соблюдать некоторые правила. Одно из них гласит: никогда не садись в кеб, управляемый вороной лошадей.

– Почему?

– Чисто из суеверия, – как-то очень нехорошо поморщился он, словно ему было неприятно так откровенно мне врать. – Теперь второе, мне категорически не

нравится твоё имя, Эдмунд. Оно вполне подходит для какого-нибудь сельского графа или младшего потомка королевского рода, но никак не для простого мальчишки с Челси. У тебя есть другое?

- Откуда?

- Ну, всякое бывает. Допустим, мама как-то ласково называла тебя в детстве? Или соседские мальчишки дразнили какой-нибудь смешной кличкой? Или, что более возможно, тебе так нравился герой какой-нибудь книги, что ты втайне называл себя его именем?

- В своё время я был восхищён Георгом Вильгельмом Рихманом. Его опыты по исследованию электричества уникальны.

- Это не тот учёный прошлого века, который проводил опыты с русским коллегой и погиб во время одного из них?

- Да, господин Рихман работал с Майклом Ломонософфым, вместе они серьёзно продвинули науку.

- Что ж, - подумав, рассеянно кивнул Лис, - дурная примета называть кого-то в честь погибшего. Я буду звать тебя в честь того русского - Майклом!

- Мне не нравится.

- Хочешь вернуться домой к бабушке?

- По зрелом размышлении, сэр, мне тоже кажется, что Майкл прекрасное имя!

- Вот и отлично. - Лис поднял руку и помахал другому кебу, появившемуся в переулке.

- Промозглая погода, джентльмены, - с характерным лёгким похрапыванием обратился к нам пегий жеребец в чёрном котелке. - Не стоит бродить по улицам Лондона ближе к ночи. Куда прикажете отвезти?

- К Тауэрскому мосту, милейший.

Лис легко запрыгнул в экипаж, даже не озаботившись тем, как я влезу следом с мешком на спине и толстой книгой прикладных опытов Герца под мышкой. Кебмен громко свистнул, замурлыкал под нос какую-то бульварную песенку, тронул рычаги, и тяжёлая махина, пуская пары, повлекла нас вперёд.

Неожиданно передо мной открывалась совершенно новая жизнь, и, быть может, не зная заранее, какой она будет, мне стоило бы воспользоваться той заминкой и опрометью бежать от лиса. Но сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю, что принял тогда единственно правильное решение, доверившись странному джентльмену с лисьей мордой.

– Сделай милость, помолчи, мне надо подумать, – вдруг сказал Лис, прежде чем я вообще открыл рот. – Всем вопросам, как и всем ответам, своё время. И пожалуйста, перестань качать ногой, это дико раздражает.

Я молча повиновался, хотя в душе почувствовал укол раздражения. Не слишком ли поспешным был мой отъезд из дома, ведь ещё толком неизвестно, чем мне придётся заниматься на новом месте и как мне предстоит отрабатывать свой хлеб?

Да, конечно, разумные животные давно интегрировались в человеческое общество, мы признали, что не являемся венцом творения, и готовы разделить этот сомнительный титул с «близкими к природе», но всё-таки получить щелчок по носу от того, чьи предки бегали по лесам или воровали кур, было как-то обидно.

Меж тем наш кеб, подсакивая на булыжной мостовой, достаточно быстро и очень аккуратно вёз нас по ночному Лондону. В начале сентября вечера становятся короче, а знаменитый серо-коричневый туман начинает осторожно захватывать шумный город уже к восьми-девяти часам вечера. Всё происходит тихо и незаметно, словно случайно.

Контур здания, мостов, фигуры спешащих людей становятся размытыми. Звуки приглушёнными, так что зачастую просто невозможно понять, откуда доносится топот копыт, трели полицейских свистков, чьи-то голоса или крики, звон разбитого стекла, пыхтение паровых машин.

Даже жёлтый свет газовых фонарей, казалось, не в силах противостоять коварному туману, чья серо-коричневая дымка бесстрастно окутывает всё. С ней невозможно бороться, и те же самые фонари становятся более похожи на десятки неподвижных лун, зачем-то подвешенных к высоким столбам на всех главных улицах Лондона.

Я никогда не выбирался в центр в такое позднее время. У нас в Челси даже в летнее время мне приходилось спешить домой хотя бы к семи вечера. Гулянье по сумеречным улочкам всегда чревато избиением, ограблением или чем-то ещё похуже. Бабушка любила по пьяной лавочке рассказывать страшные истории о злобных турках и хитрых китайцах, похищающих маленьких мальчиков приличной наружности для пополнения своих страшных гаремов.

Здесь же всё выглядело чинно, солидно, благопристойно и абсолютно безопасно. На каждом углу строгий полисмен, а то и два. Леди и джентльмены в богатых нарядах спокойно совершают позднюю прогулку. Нигде не видно ни одного нищего.

Шустрые еноты из «близких к природе» носятся взад-вперёд, продавая за полпенса вечерний выпуск газеты «Таймс». Чистенькие паровые кебы ведут самые профессиональные возницы мира – кони. Двери клубов и ресторанов гостеприимно открыты.

Горожане живут своей жизнью, как будто бы ничего страшного с ними приключиться не может, а если вдруг неожиданно в дом заявится сама Смерть с косой, они сразу будут писать возмущённые письма королеве-матери, требуя прекратить непозволительные визиты в жилища честных лондонцев. А королева конечно же всех защитит, ибо она и есть закон!

Быть может, я был в чём-то несправедлив к своей бабушке... Ведь от созерцания всего этого великолепия: ресторанов, магазинов, театров, фешенебельных домов, роскошных гостиниц, безмятежных прохожих – меня не покидала мысль о том, что, если прямо сейчас вернуться назад, я тоже не смогу больше жить в Челси на трезвую голову. Я буду надираться самым дешёвым виски, пока не умру где-нибудь под забором, лишь потому, что прекрасно понимаю чудовищную несправедливость этой жизни...

– Прибыли, джентльмены, – раздался сверху хрипловатый голос коня, и кеб мягко затормозил, пуская пар под колёса.

Мой наниматель высунулся наружу и ловко подбросил вверх серебряную монету, которую кебмен не менее ловко поймал в подставленный котелок.

– Идём, мой мальчик. – Лис прыгнул на мостовую, так же не оборачиваясь, пока я слезал с высокой ступеньки, стараясь не уронить книги. Пегий конь насмешливо фыркнул мне вслед, после чего дал пар в свисток, подтверждающий, что для всех желающих машина свободна, и отъехал на малой скорости.

А мистер Лис уже шагнул на первую ступеньку небольшого двухэтажного особняка, построенного, видимо, ещё задолго до Викторианской эпохи, но прежде чем он протянул лапу к электрическому дверному молотку, дубовая дверь открылась сама, без скрипа. На пороге стоял высокий и очень пожилой мужчина в чёрном смокинге.

Абсолютно лысый, с тонкими седыми усиками, красными глазами законченного пьяницы и носом, свёрнутым набок. На вид он выглядел совершенной развалиной.

– Ужин и ванна готовы, месье Ренар. Вы пропахли виски, я займусь вашим плащом.

– О, гран мерси, друг мой, – чуть заметно улыбнулся Лис, делая мне знак следовать за ним. – Знакомьтесь, это мой новый помощник, я буду звать его Майклом. По крайней мере, неделю, потом, может быть, передумаю. А это Шарль, мой дворецкий, камердинер, повар и лакей в одном лице. Он родом из Франции.

– Как и вы, сэръ? – рискнул уточнить я.

– Смышлёный мальчик, – тихо пробормотал старик, забирая у меня мои вещи. – Надеюсь, он прослужит у нас дольше, чем остальные.

Я сделал мысленную заметку в памяти: доподлинно выяснить, кто тут был до меня, сколько их было и почему теперь это место вакантно? Но я не был испуган, нет, мальчишеское любопытство пересиливало любой страх. Тем более что, несмотря на суровую внешность бывшего борца или боксёра, старый дворецкий не выглядел опасным.

Прошло не так много времени, пока я на своей собственной шкуре не убедился в обратном и на всю жизнь не запомнил, что маньяками и убийцами могут быть лица самой благообразной внешности. А пока что...

Мы прошли в роскошную прихожую с высокими потолками, зеркалами, паркетным полом и дорогим восточным ковром индийской или персидской работы.

– Кто приходил, Шарль?

– Инспектор из Скотленд-Ярда со своей ищейкой.

– О? Вроде бы вчера я дал им в руки все нити.

– Они выглядели огорчёнными, месье.

– И судя по скольжению шин парового экипажа, у них всё ещё остались вопросы. – Лис демонстративно повернул левое ухо. – Шарль, уложите Майкла спать.

– Он не будет ужинать, месье? – спросил старик.

– Ужин вообще вреден.

Я только-только собирался возмутиться тем, что никого тут и близко не интересовало моё мнение, как вдруг старый дворецкий удивительно легко поднял правую ногу на уровень моего лица.

– Это сават, французский бой ногами, – достаточно громко, чтобы заглушить стук дверного молотка, бросил мне Лис. – Тебе ещё многому предстоит научиться, мой мальчик. А в первую очередь послушанию.

В тот же момент дворецкий врезал мне носком начищенного ботинка в висок, и больше я ничего не помню. Очнулся только утром от бурчания в собственном желудке.

Я лежал в маленькой комнатке. Ну, относительно маленькой в сравнении с той же прихожей. На самом деле она была примерно втрое просторней той, где я жил дома. Высокий потолок, украшенный лепниной, на стенах четыре картины маслом, сельские пейзажи в стиле раннего ренессанса, в углу книжный шкаф, а напротив кровати большое окно за тёмными занавесками.

Моя одежда лежала рядом на табурете. На секунду я поёжился, представив, что вчера кто-то раздел меня до нижнего белья и, уложив в постель, укрыл одеялом. Впрочем, вряд ли это был мистер Лис, он как раз собирался встречать таинственных гостей из полиции. Значит, тот старик-дворецкий, слуги всегда раздевают своих господ на ночь.

От этой мысли мне почему-то стало чуточку легче, я вылез из-под одеяла, обнаружив на полу у кровати ещё и маленькие тапочки без задников на турецкий манер. Размер мой, даже чуточку великоваты. Я сунул в них ноги, потоптался на месте, быстро подбежал к окну, отдёрнул занавески и был просто зачарован открывшимся из него видом.

Чудесная сентябрьская погода без жары и духоты, чистое небо с белыми барашками облаков, элегантные здания на другой стороне улицы, перестук колёс кебов, снующий народ по улице, запах кофе и свежей выпечки... Что могло быть прекраснее?!

Кажется, я не зря хорошо учился и всё-таки вытянул счастливый билет. В этот момент дверь беззвучно распахнулась, на пороге чёрной скалой встал старый дворецкий.

– Доброе утро, Шарль. Возможно, в этом доме не принято стучать, прежде чем входить в чужую спальню? Не хочу показаться капризным снобом, но, знаете ли...

– Месье Ренар ждёт вас на завтрак, молодой человек. Соблаговолите следовать за мной.

– А если нет, то опять дадите мне ногой по голове? – храбро, как мне казалось, спросил я.

Старик не ответил, не оскалил зубы, даже не улыбнулся злорадно, а лишь на мгновение страдальчески прикрыл глаза. Почему-то это выглядело пугающе.

Не дожидаясь, что может (у меня богатая фантазия!) за этим последовать, я мгновенно оделся и, как был, в домашних тапочках послушно поскакал вниз по лестнице за мрачным дворецким моего будущего учителя.

Хотя, как ныне я думаю, первый урок Лис дал мне ещё вчера, когда вдруг вступился за меня перед мальчишками. Просто тогда мне было трудно понять сложные причины его поступков, но сейчас, издалека, они кажутся вполне логичными...

Старик сопровождал меня со второго на первый этаж, в малую гостиную, там был накрыт небольшой круглый стол, за которым, одетый в восточный шёлковый халат с кисточками, уже восседал мистер Лис. Увидев нас, он приветливо помахал рукой или лапой (я всегда путался, как надо правильно говорить).

Лис имел почти человеческое телосложение, руки и ноги у него сгибались, как у людей, но морда была абсолютно лисьей, и пышный хвост выглядывал из-под полы длинного халата.

– Доброе утро, месье Ренар.

– О нет! Для тебя просто мистер Лис или сэръ, – наставительно поправил он. – Присаживайся. Шарль, будь так добр, яйца пашот, тосты с маслом, порцию омлета с ветчиной и зеленью нашему юному другу. Кофе или чай?

– Я англичанин, сэръ, – чопорно поклонился я.

– Чаю для молодого англичанина, – щёлкнув пальцами, приказал Лис и, обернувшись ко мне, подмигнул: – Майкл, не стоит принимать скоропалительных решений. Для Шарля я – месье Ренар, для моих друзей из Оксфорда – мистер Фоксман, для моих родственников из Угории я – Рока, для кузины из Португалии – сеньор Раноса, для польской и русской ветвей нашего рода –

просто Лис. Можешь называть меня по-любому. Имя, по сути своей, мало что значит, верно? «Лучше быть, чем казаться».

– Это слова датского астронома и алхимика Тихо Браге, – мгновенно вспомнил я.

Удовлетворительный кивок Лиса наполнил меня гордостью.

– Сэр?

– Да, мой мальчик.

– Если мне будет позволительно задать вопрос, я хотел бы спросить, какие обязанности лягут на мои плечи в вашем доме?

Мой наниматель на минуту задумался, отхлебнул кофе с явным запахом французского коньяка и только после этого уверенно сказал:

– Я обратил внимание на то, как ты сразил того грубияна. Этой же ночью Шарль проверил твою обувь, и должен признать, что идея подключения электрического разряда к тонкой полоске железа на носке обуви просто великолепна! Возможно, мы сработаемся.

– В каком смысле, сэр?

– В подвале этого дома есть небольшая лаборатория со всем необходимым химическим и электромагнитным оборудованием. По роду своей деятельности я оказываю ряд услуг частным лицам, полиции, властям и даже палате лордов Великобритании. За счёт чего порой – не всегда, но бывает, и часто, – хоть я не обязан об этом говорить, мне приходится попадать в куда более опасные ситуации, чем ты вчера.

– Вы... намекаете на то, что вам понадобятся... – булка с маслом и джемом встала у меня поперёк горла, – понадобятся мои услуги как инженера?

– Не льсти себе, Майкл, – снисходительно ухмыльнулся Лис, его мордочка была перепачкана белым соусом для яиц пашот. – До настоящего инженера тебе ещё расти и расти, но здоровые зачатки изобретателя можно прочесть на твоём лбу

невооружённым глазом.

- То есть, сэр... я остаюсь?

- Да, разумеется. Стал бы я тратить своё драгоценное время и силы на абсолютно бесперспективного мальчишку.

- Храни Господь Британию и королеву!!!

Мистер Лис недовольно поморщился на мой вопль, но тут в гостиную вошёл дворецкий. Поставив передо мной горячий чай в самой изящной тонкостенной чашке на свете, он с благородной грацией склонился перед хозяином дома:

- Инспектор Хаггерт у входа. Боюсь, с ним вновь будет этот несносный доберман Гавкинс.

- Нам стоит проявить снисходительность и толерантность, друг мой, - широко осклабил Лис, демонстрируя преотличные зубы. - Но будьте так добры подать бренди для инспектора и чуть подогретые сливки для его напарника.

- Да, месье.

- Майкл, ты ведь не против знакомства с моими друзьями? Ах, впрочем, о чём я говорю? Конечно же нет, куда ты денешься, мой мальчик.

Я ничего не мог ему ответить: яйцо пашот надо есть целиком, не отвлекаясь ни на что, разве что на утирание губ салфеткой. Мой учитель благосклонно кивнул, откинулся в кресле и подал знак дворецкому.

Минутой позже к нашему церемонному завтраку в английском стиле присоединились два гостя. Я был поднят из-за стола, одновременно представлен и отрекомендован обоим.

- Добрый день, джентльмены! Прекрасная погода, не правда ли?

Вошедшие вслед за дворецким массивный седой мужчина лет пятидесяти, при густых усах и бакенбардах, в строгом костюме, а с ним «близкий к природе»,

крепко сбитый, мускулистый доберман, в шотландской клетчатой накидке и спортивных трико, встали у нашего стола.

– Я как раз завтракаю, не желаете ли омлет или тосты с огурцом? Нет? Тогда позвольте мне представить вам моего нового секретаря, слугу, помощника, делопроизводителя и секунданта Майкла Кроули! Разумеется, в реальности его зовут иначе, но когда и где это имело хоть какое-то значение?

Он рассмеялся, словно бы приглашая остальных последовать собственному примеру. Вежливо улыбнулся только старик Шарль, остальные, видимо, не имели ни сил, ни желания играть в лисьи игры. А я вдруг подумал, что мне как-то ближе то самое французское «месье Ренар». Быть может, начать обращаться к нему именно так? Или всё-таки мистер Лис? Ох...

– У нас серьёзное дело, – сухо начал инспектор Скотленд-Ярда. – Поговорим наедине.

– Можешь сесть, мой мальчик, – приветливо кивнул мне месье Ренар.

– Без мальчишки, – сквозь зубы прорычал сержант.

– Дворецкий проводит вас, джентльмены, – безмятежно пожал плечами мой учитель, в его голосе ни на секунду не прозвучало ни обиды, ни раздражения.

– Шеф сказал – наедине, дело серьёзное! – Нервный доберман едва сдерживал рычание. – Мы тут не шавки подзаборные, и если к тебе, рыжий, обращается сам инспектор...

Лис столь откровенно зевнул, что хруст челюстей, наверное, был слышен на улице, и так широко распахнул пасть, что все туда невольно заглянули. Даже Шарль, честное слово!

– Хорошего дня, джентльмены, – с благородной грацией поклонился мой наставник.

– Ах ты, мерзавец, клянусь говяжьими потрохами, я выбью из тебя...

– Заткнитесь, Гавкинс, – медленно произнёс инспектор, сам весьма похожий на усталого английского бульдога.

Доберман замер с распахнутой пастью в каких-то двух-трёх дюймах от шеи Лиса. Ни дворецкий, ни мой учитель даже не шевельнулись, но вот лично я подобные фокусы видел впервые...

– Прощу прощения за горячность моего сотрудника. Дело действительно серьёзное. Речь идёт о серийном убийце. Наше собственное расследование зашло в тупик, и если вдруг каким-то чудом ваш совет мог бы помочь полиции Лондона... вы знаете, мы всегда оплачиваем услугой за услугой.

– Шеф, но он же борзет на глазах!

– Гавкинс.

– Сэр?!

– Я вынужден повторить, заткнитесь.

– Инспектор?

– Мне повторить?!

– Нет, сэр, – опустив голову, сдался доберман.

Но его взгляд при этом полыхал всеми оттенками пламени преисподней. Это выглядело впечатляюще и жутковато. По крайней мере, для меня, но Лис, похоже, не боялся никого и ничего. Мне ещё так много придётся узнать о так называемых «близких к природе».

Хотя бы то, что положительные или отрицательные стороны их характеров были, несомненно, гипертрофированы и очень сильно зависели от того, насколько дикими или домашними зверями были их предки. Тогда я ещё не был уверен в том, что эти зверолоды имели все права войти в наш общечеловеческий мир. Впрочем, я не уверен в этом до сих пор, но всё меняется...

– Инспектор Хаггерт, я и мой юный помощник к вашим услугам!

Доберман, обернувшись, посмотрел на меня так, словно я лично был виновен во всём, и ведь он наверняка засадит меня в каталажку при первом же удобном случае. Пресвятой электрод...

– Я весь внимание! Майкл, будь так добр, пунктуально записывай всё, что скажет наш гость. Во избежание всяческих недоразумений фиксируй каждое слово инспектора. О, вот и ваши сливки, Гавкинс! Не благодарите, я помню ваши вкусы.

Сержант едва не поперхнулся своим же рычанием, но крыть ему было нечем. Если кто и умел играть в покер с завязанными глазами, то этой мой учитель и наставник.

– Маньяк вернулся.

– Потрошитель?

– Мы не знаем, как его называть, – устало покачал головой инспектор, принимая с подноса стопку бренди. – Честно говоря, мы вообще не представляем, кто он, поскольку полиция Лондона всегда идёт на шаг позади преступника. Пока мы лишь подбираем за ним трупы.

– Сколько?

– Нисколько! – опять влез доберман, в минуту выхлестав подогретые сливки. – Помогать государству и короне – твой долг гражданина! Бесплатно!

– Сколько трупов, инспектор? – терпеливо повторил Лис.

– Шесть. Только люди. – Толстяк достал из кармана большой носовой платок и промокнул шею. – Почерк убийств такой же, как и четыре года назад. Убийства происходят в самых тихих и безлюдных местах. Нас вызывает ближайший полисмен, обнаруживший тело. Собственно, мы и взялись за это дело после третьей смерти.

– Женщины?

Инспектор молча кивнул.

Я честно записывал всё, что тут обсуждалось, электрическое перо так и бегало по бумаге, а сердце замирало от страха и возбуждения. Кто же мог знать, что моя жизнь вот так круто изменится всего за один день?

Ещё вчера я был обычным лондонским мальчиком, ходил в школу, забивал себе голову никому не нужными изобретениями, а теперь я помощник и секретарь самого месье Ренара, Лиса, частного консультанта Скотленд-Ярда, благородного и солидного джентльмена. Клянусь, я буду помогать ему в деле расследования убийств и поимке жуткого маньяка!

Тогда всё это казалось мне невероятно загадочным, мистическим и, главное, очень нужным. Да, я был молод, глуп и наивен.

– Мне нужна вся информация. Отчёты врачей, показания свидетелей, доклады полицейских, работавших с этим делом. Ах да, ещё мне понадобится подробная карта города с точным обозначением мест, где были найдены тела несчастных жертв.

– Всё, что вам угодно, – согласился инспектор Хаггерт, поднимаясь с кресла. – Я пришлю курьера. Надеюсь, вы отыщете след.

Доберман Гавкинс не сказал ни слова, но его прощальный взгляд чётко сигнализировал: «Уж меня-то вам не провести, я буду следить за вами и ждать, когда вы ошибётесь, а вы ошибётесь, и тогда... гр-р...»

Когда они вышли, мой учитель преспокойно принял от дворецкого ещё чашечку кофе, собственноручно добавил ложечку французского коньяка и с удовольствием сделал первый глоток. По его морде разлилась блаженная улыбка.

– Мальчик мой, ты всё записал?

– Да, сэр. Вот, взгляните.

– Хм, у тебя хороший почерк, аккуратный, округлый, я бы даже сказал – женский, – рассеянно похвалил он, явно думая о чём-то своём. Походил из угла в угол, посмотрел в окно, потом медленно развернулся и выбрал из стойки с тростями самую тяжёлую с массивным серебряным набалдашником. – Шарль?

– Месье?

– Будьте так добры, проследите, чтобы мальчик нормально позавтракал. Его прервали, не так ли? Потом проведите часовую тренировку. Не поломайте мебель! Кости тоже, хотя в его возрасте они срастаются за пару недель. Я вернусь после обеда. Когда курьер из полиции принесёт папку с бумагами, положите на стол у меня в кабинете. Майкл?

– Да, месье?

– Для тебя сэръ или мистер Лис, – ещё раз и уже без улыбки поправил меня он. – Работа у меня не пыльная, но порой слегка опасна для жизни. Если хочешь доказать, что ты достоин своих денег и намерен прожить дольше чем до вечера, слушайся старину Шарля.

– Но он почти всё время молчит, сэръ.

– О, поверь, люди напрасно придают слишком большое значение словам. Этим миром управляют те, кто способен на реальный поступок.

После чего накинул плащ, надел шляпу и, постукивая тростью, вышел из дома.

– Завтрак, – зловеще напомнил мне голос дворецкого.

Памятуя вчерашнее, я не рискнул тянуть время и в пять минут разобрался с омлетом, съел тост с маслом и джемом, торопливо запив всё это остывшим чаем.

– Десять минут, – костистый старик указал мне взглядом на настенные часы, – и начнём.

– А какую тренировку имел в виду ваш хозяин?

Его холодные стальные глаза вдруг вспыхнули таким нехорошим огоньком, что мой завтрак чуть было не попросился наружу. Тем более что дворецкий с театрально зловещей медлительностью снял фрак, аккуратно повесил его на стул, чуть ослабил узел чёрного галстука, пару раз со скрипом присел, поднимая руки над головой, и похрустел кулаками.

У меня похолодело под мышками. Этот молчаливый старик был в сотню тысяч раз страшнее всей банды Большого Вилли, уж поверьте на слово.

- Вы будете учить меня драться?

- Дерутся простолюдины, - медленно протянул дворецкий. - Настоящие джентльмены выясняют отношения.

- Холясё, сто я долсен сделать, сэнсэй?

Как видите, я изо всех сил старался невинной шуткой навести мосты.

- Уцелеть, - кратко ответил Шарль, в мгновение ока превращаясь в чёрный бушующий смерч над Атлантикой.

Я с трудом увернулся от первых размашистых ударов ног и, не думая более ни о чём, просто бросился наутёк. Шарль нёсся за мной молча, без боевых кличей и угроз, и это выглядело куда более устрашающе, уж поверьте!

Я орал, кричал, что сдаюсь, кидался в него всем, что попадало под руку, толкал стулья, умолял прекратить, прятался за креслами, заползал под диван, но он везде настигал меня, методично награждая короткими точными пинками, а пару раз и целой серией ударов. Как он вообще меня не убил, ума не приложу?!

Но в тот момент, когда я был окончательно загнан в угол и каблук ботинка упёрся мне в гортань, снизу раздался стук электрического молотка.

- Прошу прощения, юноша, - вежливо поклонился старый забияка. - Я должен прервать наше занятие и открыть дверь.

Дыхание ко мне вернулось не сразу, а сердце прыгало так, что, казалось, танцевало пиратскую джигу у меня под рёбрами. Всё тело болело, словно меня пропустили через русскую паровую молотилку для зерна. Меж тем дворецкий впустил кого-то в дом, принял под роспись какой-то пакет из Скотленд-Ярда и закрыл дверь. Это был очень зловещий звук...

Я понял, что пытка возобновится, и, собрав всю силу воли в кулак, приготовился хотя бы подороже продать свою жизнь... швырнув в приближающегося дворецкого зонтиком. Разумеется, старый хитрец увернулся, но это дало мне пару секунд, во время которых в дом вернулся мистер Лис.

– Шарль, будь добр, прими мой плащ. На улице вдруг хлынул дождь, и я весь промок.

Кулак старого дворецкого остановился менее чем в дюйме от моей зажмурившейся физиономии. Я счастливо выдохнул, кажется, жизнь продолжается...

– Мальчик мой, спускайся вниз, нам стоит побеседовать.

– Да, сэр, – кое-как проблеял я, осторожно вставая на ноги.

Комната заметно покачивалась, видимо, мне всё-таки неслабо досталось. Вроде бы я был достаточно молод и ловок, тем не менее семидесятилетний француз знатно поколотил меня, как котёнок плюшевого мишку. Обидно...

– Что ж, – неторопливо начал Лис, когда невозмутимый дворецкий поставил перед нами свежий чай, сливки и печенье. – Будь добр, прочитай мне вслух всё, что прислали из Скотленд-Ярда.

Я, морщась от боли в отбитых ягодицах, присел на стул напротив, по кивку моего работодателя вскрыл пакет и, достав пачку бумаг, приступил к чтению вслух.

Если бы вы попросили меня вкратце воспроизвести суть всех сообщений, наверное, я бы пересказал всё следующим образом. В течение одной недели произошло шесть убийств женщин в разных концах Лондона. Все убийства

словно бы под копирку являют собой практически точную копию ряда преступлений, имевших место быть несколько лет назад. Знаменитый Потрошитель был человек-лев или, как принято говорить, «близкий к природе».

Этот сумасшедший хищник просто рвал на куски своих жертв, не имея ни жалости, ни сострадания к чужой боли. Полиция поймала его на Тауэрском мосту, расстреляв в упор, когда умирающий зверь под градом пуль рухнул в мутные воды Темзы. Официально считалось, что он погиб, однако тела так и не нашли. И вот, спустя четыре года, похожие до мельчайших деталей преступления вдруг проявились снова. Кровь захлёстывает Лондон...

Шесть женщин. Шесть трупов. Женщин, никак между собой не связанных, ни профессией, ни родством, ни возрастом, исключительно гендерное совпадение, это было указано в полицейских протоколах. Изуродованное горло, вспоротый живот, разгрызенные страшными челюстями суставы рук и ног. Считалось, что первопричина смерти – разрыв сонной артерии на шее, а всё остальное уже издевательства над мёртвым телом...

Но все ли остальные увечья нанесены до смерти или же после неё, разные специалисты путались во мнениях. Наверное, именно это и было самым пугающим. Убийца – это одно, а вот наслаждающийся муками серийный маньяк-убийца – совсем другое.

– Мальчик мой, отметь на карте все места убийств. Их шесть, если я правильно запомнил.

Мне хватило пары минут, сверившись с показаниями полицейских, отметить шесть кружочков. Лис краем глаза взглянул на карту и спокойно вернулся к чаю, морда его лица ничего не выражала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-belyanin/moy-uchitel-lis>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)